

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

DOI: 10.17805/zpu.2020.1.8

Культура в идеологии

А. Я. ФЛИЕР

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО
И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЕВА

В статье анализируется роль культуры в формировании как политической, так и общекультурной идеологии, основанной на оценочном отношении к элементам общественного устройства, базирующемся на дихотомии правильное/неправильное. Обосновывается авторская позиция как сторонника классического либерализма.

Рассматривается роль социального окружения человека в формировании его оценочных взглядов в рамках концепции четырех кругов такого окружения, влияющих на индивида и составляющих его социальную среду и социальное пространство. Показано, какую роль в сложении культурной и политической идеологии человека играет уровень его профессиональной квалификации, его социальная конкурентоспособность, проявляющаяся в его уверенности в себе или доминирующем патернализме. Рассматривается роль низкоквалифицированных работников в истории России; при этом советская власть трактуется как диктатура низкоквалифицированных специалистов над высококвалифицированными. Все это формирует определенную идеологию тех и других. Исследуется либерализм и консерватизм как идеологические предпочтения высококвалифицированных и низкоквалифицированных специалистов.

Культурные артефакты интерпретируются с позиций либерализма и консерватизма. В основании этих идеологических различий лежит разное отношение к историческому прогрессу и культурным формам его проявления.

Ключевые слова: культура; идеология; мировоззрение; либерализм; консерватизм; культурная среда; квалификация; оценочная дихотомия

ВВЕДЕНИЕ

Культура всякого человека содержит в себе и элемент идеологии. Классические определения идеологии обычно имеют в виду под ней ту или иную политическую доктрину власти, задающую некую модель социальной справедливости (см., например: Идеология, 2004). Но и в культуре каждого отдельного человека, даже совершенно не интересующегося политикой, имеет место какое-то отношение к общественному порядку, по которому он живет или представляет его в качестве идеала. И это отношение построено в принципе на дихотомии *правильное/неправильное*. Какие-то аспекты наблюдаемого общественного порядка ему нравятся, и он их считает правильными. Другие же не соответствуют его интересам или идеальным представлениям, и он считает их неправильными. Это и есть элемент идеологии в культурном мировоззрении каждого человека.

Подобная *бинарная структура* восприятия исследовалась как часть языковой культуры русскими структуралистами-лингвистами (Трубецкой, 1960; Якобсон, 1996), а затем как явление общекультурного масштаба французскими структуралистами-антропологами и философами (Леви-Стросс, 1985; Фуко, 1994 и др.). Я же полагаю, что дихотомия правильное/неправильное помимо общекультурной структуры сознания лежит в основе всякой идеологии как системы представлений об общественном устройстве.

Конечно, большинство людей, живущих на Земле, мало интересуются политикой. В их случаях речь идет не о политической идеологии, а только об ее элементарной основе — общекультурном мировоззрении, включающем в себя и отношение к наблюдаемому общественному порядку. Но это уже есть идеология, пусть даже в зачаточном виде. Люди, больше интересующиеся политикой и более или менее гуманитарно образованные, обладают и идеологией более политического характера.

Например, я, как историк по образованию и культуролог по научному профилю, отношу себя к более или менее продвинутым в данном вопросе людям. По своей идеологии я являюсь осознанным сторонником классического британского *либерализма XVIII в.*, идущего от взглядов Джона Локка (см., например: Нарский, 1960; Мизес, 1994; Либерализм Запада, 1995). Либерализм утверждал приоритет *общества* как свободно развивающегося, самодостаточного и саморегулирующегося феномена над *государством*, которое должно выполнять лишь служебные функции по отношению к обществу — поддерживать порядок и защищать общество от внешних угроз. Говоря иначе, самоуправляемое общество наиболее эффективно в мирное время, а государство нужно в ситуации войны. Классический либерализм не следует смешивать с бытовой либеральностью, которая сейчас торжествует на Западе и сводится преимущественно к толерантности к инокультурным явлениям, но мало сосредоточена на соотношении общества и государства.

Понятно, что моя идеология плохо совместима с идеологией нынешней российской власти, стоящей на *консервативных* позициях *этатизма* — принципе доминирования государства над обществом и его неограниченных полномочий по управлению социальной жизнью. Не разделяя этот поход, я тем не менее не занимаюсь политической борьбой с властью, а предпочитаю существовать в режиме «внутренней эмиграции», т. е. отстранения от политической жизни страны и сосредоточения только на проблемах науки. Такую позицию кто-то понимает, а кто-то критикует; но это моя позиция и моя индивидуальная идеология.

Большинство людей на Земле, конечно, не занимают столь определенной позиции по вопросам общественного устройства, но так или иначе оценивают его в рамках описанной выше дихотомии как в чем-то правильное, а в чем-то неправильное. Такой подход, безусловно, является персональной идеологией каждого человека, имеющей общекультурный характер, однако еще не отрефлексированной до четкой политической позиции.

КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ КАК ПРОДУКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Откуда же берется такое оценочное отношение к общественному порядку? Я полагаю, что культура каждого человека представляет собой явление прежде всего *информационное*, формируемое информационными обменами с другими людьми. В ее становлении, конечно, принимают участие и домашнее воспитание, и религия, и об-

разование. Но главную роль здесь играют *социальные контакты*, т. е. влияние на формирование мировоззрения человека людей из круга его общения.

Таких кругов на самом деле несколько. Первый, самый ближний круг, естественно, составляет семья этого человека. С членами семьи он общается ежедневно, обменивается с ними наибольшим объемом информации, наиболее близок к ним культурно и т. п. Семья, как правило, представляет собой высокоомогенное в культурном отношении образование, члены которого в наибольшей мере влияют на формирование культурного мировоззрения друг друга. Конечно, из этого правила бывают и исключения, но статистически они довольно редки.

Второй круг — это люди, с которыми данный человек общается часто и интенсивно. Это друзья, родственники, коллеги по работе/службе/учебе, соседи и пр. С ними человек очень тесно культурно связан, и они тоже очень влияют на формирование и развитие его культурного мировоззрения, хотя и не столь плотно, как семья. Два этих круга можно назвать *культурной средой* данного человека, которая решающим образом влияет на его культуру.

Третий круг — это уже люди, которых данный человек лично не знает и постоянно с ними не общается. Но они разговаривают на том же языке, что и данный человек, читают те же книги, получают такое же школьное образование, осваивают ту же информацию из СМИ, у них те же экономические и политические проблемы и пр. При случайном пересечении любого человека этого круга с нашим исходным человеком никаких языковых и культурных проблем во взаимопонимании у них не будет. Формально — это все граждане того же государства, что и данный человек, хотя и здесь возможны какие-то индивидуальные нюансы. Особо значима здесь государственная власть этой страны, но ее влияние на культуру данного человека весьма ситуативно.

И наконец, четвертый круг — это все человечество. Этот круг сформировался только в XX в. благодаря развитию средств транспорта и связи, телевидению, Интернету и пр. Еще 200 лет назад рядовой китаец, возможно, и слышал что-то про Европу, но уж о событиях в ней он не знал ничего, а об Америке он даже и не слышал. Сейчас все перевернулось. Все более или менее технически продвинутые люди во всем мире получают информацию отовсюду, и нашему условному человеку из России при встрече с таким же условным китайцем будет о чем поговорить.

Эти два последних круга, которые в отличие от культурной среды можно назвать *культурным пространством*, непосредственно не влияют на формирование культурного мировоззрения нашего условного человека, но служат ему системой координат для культурной ориентации. Таким образом, культурная среда (первые два круга) непосредственно формирует культурное мировоззрение и общекультурную идеологию человека, а культурное пространство (третий и четвертый круги) влияет на него опосредованно.

КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ КАК ПРОДУКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Мне представляется, что сложение общекультурной идеологии среднестатистического человека связано с уровнем *профессиональной квалификации* как его самого, так и его культурной среды. Уже давно замечено, что люди с низкой квалификацией больше заинтересованы в коллективной работе и, стало быть, в государстве как основном организаторе подобной работы. А люди с высокой профессиональной

квалификацией (в первую очередь *интеллигенция*) больше заинтересованы в индивидуальных заказах и обществе как основном заказчике (Дюркгейм, 1991). Отсюда люди с низкой квалификацией стихийно чаще бывают государственниками-этатистами, а люди с высокой квалификацией — либералами (хотя реально, конечно, бывает по-разному).

Современный политический режим в России часто упрекают за то, что он сохраняет всю советскую символику — памятники Ленину, красные звезды и т. п. На мой взгляд, *советский генотип* современной российской власти заложен гораздо глубже. Он выражается в том, что сохраняется *диктатура специалистов низкой квалификации над специалистами высокой квалификации*, что и было социально-идеологической основой большевизма. Вся идеологическая кампания российской власти последних лет свидетельствует о том, что свою электоральную опору власть видит именно в людях с низкой профессиональной квалификацией и на их политическую поддержку рассчитывает.

Отсюда и торжество этатистской идеологии как политической доктрины власти и ее апологетов. Конечно, эта идеология в России возникла не сегодня, а во времена Петровских реформ, и ее не нужно абсолютизировать. Разные группы населения относятся к ней по-разному, и далеко не все в стране соответствует этой идеологии. Но очень высокий уровень *патернализма* в общественном сознании говорит об очень низком квалификационном уровне большинства населения. Доминанта *коллективизма* в общественном сознании (о которой с гордостью говорит наш президент) — это и есть свидетельство низкого уровня профессиональной квалификации демографического большинства. Чернорабочие востребованы именно на коллективных работах. А высококвалифицированные специалисты, как правило, являются индивидуалистами и психологически очень мало зависят от государства.

Справедливости ради следует отметить, что все это характерно для нашей страны еще со времен Петра Великого. Тогда и родилось представление о человеке как винтике государственной машины. Во всяком случае, в XIX в. Н. В. Гоголь описывал государственных чиновников низших рангов как людей, вообще лишенных какой-либо квалификации. От чиновника требовались только практическая грамотность и красивый почерк. И никаких иных знаний. Невольно в голову приходит сравнение с конфуцианским Китаем, где чиновнику приходилось регулярно сдавать экзамены, подтверждающие его высокую квалификацию.

Но если неквалифицированные чиновники только осуществляли плохую связь между властью и производителями работ, то большевистская революция 1917 г. установила в стране общую *политическую диктатуру* неконкурентоспособной части населения. Особенно наглядно это проявилось в деревне в кампании раскулачивания, когда низкоквалифицированные бедняки уничтожали высококвалифицированных кулаков. Высококвалифицированные ученые, инженеры и рабочие требовались преимущественно в оборонной промышленности и связанных с ней отраслях. А на великих «стройках коммунизма» были сконцентрированы десятки, а то и сотни тысяч рабочих самой низкой квалификации. Широко использовался и труд заключенных. Низкоквалифицированные работники и были «становым хребтом» советской власти; и одной из причин ее падения стали рост профессиональной квалификации людей на современных производствах и соответствующее изменение их социальных интересов. То, что официально называлось «диктатурой пролетариата», по существу было диктатурой «преступной толпы», как ее называл французский социолог

Г. Лебон (Лебон, 2011). Я думаю, что преступной была не столько толпа, сколько революционные вожди, провоцировавшие ее на насилие. Но, впрочем, для нас сейчас главное не это, а понимание самого факта политического доминирования низкоквалифицированных над высококвалифицированными специалистами в СССР.

Все это имеет прямое отношение к идеологии как части культуры. Низкоквалифицированный работник практически не может полагаться на свою *профессиональную конкурентоспособность*. Он полагается только на защиту со стороны государства и поэтому, как правило, лоялен к любой власти, ибо только в ней он видит защиту своих интересов. Я в свое время посвятил специальное исследование культуре неконкурентоспособных людей и пришел к выводу, что, во-первых, они в любом обществе будут всегда (по чисто медицинским причинам) и, во-вторых, именно на них держится устойчивость *культурной традиции* (Флиер, 2010: Электронный ресурс). Они являются главными апологетами традиционной культуры и противниками любой модернизации.

Но здесь важно то, что низкоквалифицированные работники идеологически, как правило, являются сторонниками государства и готовы оправдать наиболее жесткие формы подавления свободы. И это не потому, что они ретрограды. Среди них встречаются самые разные люди. Но *свобода* — это условие успешной деятельности специалистов высокой квалификации — прямых конкурентов низкоквалифицированных работников. Поэтому низкоквалифицированные люди обычно поддерживают систему запретов и ограничений на творчество в любой сфере. Это условие их благополучия и социального приоритета над высококвалифицированными специалистами. Впрочем, и это не нужно абсолютизировать. «Обычно» — это не «всегда».

Точно также не нужно думать, что все высококвалифицированные специалисты обязательно либералы, а все низкоквалифицированные — консерваторы. Люди разные. Но статистически среди высококвалифицированных работников (особенно интеллигенции, как гуманитарной, так и технической) либерализм в идеологии встречается чаще, а среди низкоквалифицированных наиболее типичен консерватизм. Такая ориентация в наибольшей мере соответствует *социальным интересам* этих двух групп. При этом нужно помнить, что выражено политические формы такая идеология получает редко; чаще она выражается в общекультурных проявлениях.

Складывается впечатление, что разные виды консервативных идеологий (клерикализм, национализм, этатизм и др.) каким-то образом связаны с социальными интересами низкоквалифицированной и неконкурентоспособной части населения, в то время как либерализм и прогрессизм отражают социальные интересы высококвалифицированных специалистов. Но это в целом. У конкретных людей, конечно, все бывает по-разному.

Вместе с тем нужно понимать, что либеральная и консервативная идеология в голове одного человека не рождаются. Они — продукт интеллектуального взаимодействия многих людей в определенных социокультурных средах. Конечно, любая среда состоит из разных людей. Но в одной среде статистически преобладают высококвалифицированные специалисты, социальные интересы которых требуют большей свободы, и идеология больше тяготеет к либерализму (т. е. ограничению полномочий политической власти). В другой среде преобладают низкоквалифицированные специалисты, социальные интересы которых требуют большей упорядоченности, коллективной дисциплины и пр., и их идеология тяготеет к консерватизму (т. е. усилению ограничивающих полномочий политической власти). Идеоло-

гия каждого конкретного человека, как правило, отражает идейные установки его культурной среды.

ИДЕОЛОГИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ АРТЕФАКТОВ

Очень показательной, хотя и побочной функцией идеологии является использование ее как основания для *интерпретации культурных артефактов*. Всякий культурный артефакт интерпретируется более или менее субъективно на основании господствующей в тот момент идеологии, отражающей интересы власти и той части населения, которая эту власть поддерживает. Обобщенно по эпохам можно сказать, что в первобытную эпоху все интерпретировалось с позиций практической полезности, в аграрную — с позиций уровня сакральности каждого артефакта, в индустриальную — главным параметром оценки стала функциональная эффективность интерпретируемого артефакта, а ныне, в постиндустриальную эпоху, все оценивается с точки зрения модернизационной перспективности того или иного артефакта.

Конечно, в разных странах и в разное время все это получало свои специфические черты, часто зависящие от личности того или иного правителя. Например, в России со времен Петра I и поныне господствующей идеологией является этатизм, абсолютизирующий роль государственного начала в национальном строительстве. Но этот этатизм в разное время получал разные основания. В XVIII–XIX вв. в Российской империи наиболее актуальными были сакральное основание национальной государственности и божественные истоки самодержавия. Естественно, что культурные артефакты в большинстве своем интерпретировались в этом ключе. В XX в. в Советском Союзе социалистическая государственность понималась как исторически наиболее прогрессивное явление, и культурные артефакты советской эпохи интерпретировались преимущественно в этом смысле. Сейчас, в XXI в., в постсоветской России национальная государственность трактуется как идейно укорененная и являющаяся выражением естественного суверенитета нации, и интерпретация культурных артефактов направлена в основном на выражение этой идеологии.

Идеология является одним из наиболее ярких проявлений общекультурной *дихотомии мировосприятия* (Флиер, 2019: Электронный ресурс). Такая дихотомия, уже хорошо исследованная как структуралистами, так и другими учеными (см., например: Пелипенко, 2012), заключается в принципиальном понимании мира как поля борьбы двух начал: правильного и неправильного, полезного и вредного, сакрального и профанного и т. п. Человек не может объяснить, почему мир устроен так, что часть его проявлений соответствует человеческим интересам, а часть не соответствует. Человек просто отмечает это как факт, хотя наверняка какое-то естественно-научное объяснение этому есть. Идеология также отражает эту двоичность мировосприятия в сфере общественного устройства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, идеология в моем понимании заключается в оценивании наблюдаемого или представляемого социального порядка в рамках дихотомии правильное/неправильное. Конечно, общественное устройство создают люди, и его позитивные и негативные аспекты просто соответствуют интересам разных групп людей (власти, лоялистов, конформистов, активных и пассивных оппозиционеров и т. п.). Конкретная композиция сочетания этих элементов в мировосприятии зависит от особенностей сознания того или иного человека и того, к какой общественной груп-

пе он принадлежит. Очевидно, сколько людей на Земле, столько и композиций сочетания этих двух оппозиций.

Но некоторые принципы и приоритеты в этих композициях объединяют людей на основе тех или иных *идеологических парадигм*, которые можно свести в две группы: *либерализм* и *консерватизм*. Основная разница между ними заключается в том, что в либерализме меньше ограничений для индивидуального творчества в деятельности и манифестируется общий приоритет индивидуализма над коллективизмом, что основывается на интеллектуальном обеспечении любой практики (а интеллект — это орудие индивида, а не коллектива). В консерватизме, наоборот, больше ограничений для индивидуальной деятельности и манифестируется приоритет коллективизма над индивидуализмом. С этой точки зрения коммунизм — это одно из течений консерватизма, основывающегося доминантный коллективизм на социально-классовом начале, в то время как клерикализм базирует его на конфессиональном начале, национализм — на этническом начале, этатизм — на государственно-политическом начале и пр.

Ключевым здесь представляется понятие *прогресса*. Либерализм отстаивает стихийный и безостановочный прогресс в развитии общества, а консерватизм считает такой прогресс опасным и предлагает различные рецепты его сдерживания. Впрочем, ученые самой различной идеологической ориентации занимаются поиском адаптивных механизмов приспособления общества к прогрессу (см., например: Гэлбрейт, 1969; Белл, 1999; Фукуяма, 2004). Однако разница в отношении к прогрессу либерализма и консерватизма имеет базовый, мировоззренческий характер, и она принципиальна. В конечном счете, вся идеология сводится именно к этому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белл, Д. (1999) Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия. 788 с.
 Гэлбрейт, Дж. (1969) Новое индустриальное общество. М. : Прогресс. 1200 с.
 Дюркгейм, Э. (1991) О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука. 575 с.
 Идеология (2004) // Философия. Энциклопедический словарь. М. : Гардарики. 1072 с. С. 386–388.
 Лебон, Г. (2011) Психология народов и масс. М. : Академический проект. 238 с.
 Леви-Стросс, К. (1985) Структурная антропология. М. : Наука. 536 с.
 Либерализм Запада XVII–XX вв. (1995) / отв. ред. В. В. Согрин. М. : Изд-во ИВИ РАН. 228 с.
 Мизес, Л. (1994) Либерализм в классической традиции. М. : Начала-Пресс. 176 с.
 Нарский, И. С. (1960) Философия Джона Локка. М. : Изд-во МГУ. 63 с.
 Пелипенко, А. А. (2012) Постигание культуры : в 2 ч. М. : РОССПЭН. Ч. 1. Культура и смысл. 607 с.
 Трубецкой, Н. С. (1960) Основы фонологии. М. : Издательство иностранной литературы. 372 с.
 Флиер, А. Я. (2010) Будущее возврату не подлежит (о перспективах развития традиционной культуры) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. №1. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/4.html&j_id=2 (дата обращения: 10.10.2018).
 Флиер, А. Я. (2019) Философские пролегомены к Нормативной теории культуры [Электронный ресурс] // Культура культуры. №1. URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 28.12.2018).
 Фуко, М. (1994) Слова и вещи. Археология гуманитарного знания. М. : А-сэд. 406 с.
 Фукуяма, Ф. (2004) Конец истории и последний человек. М. : АСТ. 488 с.
 Якобсон, Р. О. (1996) Язык и бессознательное. М. : Гнозис. 248 с.

Дата поступления: 10.12.2019 г.

CULTURE IN IDEOLOGY

A. YA. FLIER

LIKHACHEV RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE FOR CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

The article discusses the role of culture in the formation of both political and general cultural ideology, based on an evaluative attitude to the elements of social organization, which, in its turn, is based on the right/wrong dichotomy. The author's position as a supporter of classical liberalism is substantiated.

The author considers the role of a person's social environment in the formation of their evaluative views within the concept of the four circles of such an environment, affecting the individual and constituting their social environment and social space. He shows the role in the formation of a cultural and political ideology of a person that is played by their level of professional qualifications, their social competitiveness, manifested in their self-confidence or dominant paternalism. The role of low-skilled workers in the history of Russia is considered; the Soviet regime is interpreted as a dictatorship of low-skilled specialists over highly skilled ones. All this forms a certain ideology of both. Liberalism and conservatism are explored as ideological preferences of highly skilled and low-skilled specialists.

Cultural artifacts are interpreted through the lens of liberalism and conservatism. A different attitude towards historical progress and the cultural forms of its manifestation underlies these ideological differences.

Keywords: culture; ideology; worldview; liberalism; conservatism; cultural environment; qualification; evaluative dichotomy

REFERENCES

- Bell, D. (1999) *Griadushchee postindustrial'noe obschestvo*. Moscow, Akademiia. 788 p. (In Russ.).
- Gelbreit, Dzh. (1969) *Novoe industrial'noe obschestvo*. Moscow, Progress. 1200 p. (In Russ.).
- Diurkgeim, E. (1991) *O razdelenii obschestvennogo truda. Metod sotsiologii*. Moscow, Nauka. 575 p. (In Russ.).
- Ideologiya (2004). In: *Filosofiya. Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Gardariki. 1072 p. Pp. 386–388. (In Russ.).
- Lebon, G. (2011) *Psikhologiya narodov i mass*. Moscow, Akademicheskii proekt. 238 p. (In Russ.).
- Levi-Stross, K. (1985) *Strukturnaia antropologiya*. Moscow, Nauka. 536 p. (In Russ.).
- Liberalizm Zapada XVII–XX vv.* (1995) / ed. by V. V. Sogrin. Moscow, Izd-vo IVI RAN. 228 p. (In Russ.).
- Mizes, L. (1994) *Liberalizm v klassicheskoi traditsii*. Moscow, Nachala-Press. 176 p. (In Russ.).
- Narskii, I. S. (1960) *Filosofiya Dzhbona Lokka*. Moscow, Izd. MGU. 63 p. (In Russ.).
- Pelipenko, A. A. (2012) *Postizhenie kul'tury* : in 2 parts. Moscow, ROSSPEN. Part 1. Kul'tura i smysl. 607 p. (In Russ.).
- Trubetskoi, N. S. (1960) *Osnovy fonologii*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 372 p. (In Russ.).
- Flier, A. Ya. (2010) Budushchee vozvratu ne podlezhit (o perspektivakh razvitiia traditsionnoi kul'tury). *Kul'turologicheskii zhurnal*, no. 1 [online] Available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/4.html&j_id=2 (access date: 10.10.2018).
- Flier, A. Ya. (2019) Filosofskie prolegomeny k Normativnoi teorii kul'tury. *Kul'tura kul'tury*, no. 1 [online] Available at: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (access date: 28.12.2018).
- Fuko, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnogo znaniia*. Moscow, A-cad. 406 p. (In Russ.).
- Fukuiama, F. (2004) *Konets istorii i poslednii chelovek*. Moscow, AST. 488 p. (In Russ.).
- Yakobson, R. O. (1996) *Iazyk i bessoznatel'noe*. Moscow, Gnozis. 248 p. (In Russ.).

Submission date: 10.12.2019.

Флиер Андрей Яковлевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Адрес: 129366, Россия, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2. Тел.: +7 (495) 686-13-19. Эл. адрес: andrey.flier@yandex.ru

Flier Andrey Yakovlevich, Doctor of Philosophy, Professor, Principal Research Fellow, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. Postal address: 2, Kosmonavtov St., Moscow, Russian Federation, 129366. Tel.: +7 (495) 686-13-19. E-mail: andrey.flier@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2020.1.9

Стратегии взаимодействия с чужим в мировой культуре

М. А. ПОЛЕТАЕВА

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья посвящена рассмотрению трех основных стратегий отношения к чужому, имевших место в истории: изоляционизм, ассимиляция и мультикультурализм. Они в основном базировались на общих характеристиках мировоззрения той или иной эпохи.

В доиндустриальную эпоху отношение к чужому в основном строилось на стратегии изоляционизма. Чужие (инородцы, иноверцы) поселялись отдельно, в особых кварталах, и их контакты с местным населением были строго ограничены. Это строилось на представлении о том, что чужие созданы не по образу и подобию Божьему, а являются порождением дьявола и несут угрозу господствующей религии.

В индустриальную эпоху возобладала стратегия ассимиляции, построенная на представлении о чужом как интеллектуально равном человеке, но принадлежащему к отсталому народу. Если научить его нашему языку и местным нравам, то с ним можно конструктивно взаимодействовать. Этому взгляду способствовало развитие антропологии, подтверждение биологическое единообразие всех людей.

В постиндустриальную эпоху возобладала стратегия мультикультурализма, построенная на представлении о равенстве всех культур, языков, религий. Каждый человек везде имеет право манифестировать свою культуру в любой форме, и это должно восприниматься как норма.

Ключевые слова: изоляционизм; ассимиляция; мультикультурализм; чужой; чужой в культуре; стратегия отношения

ВВЕДЕНИЕ

Отношение к чужим в истории человечества от эпохи к эпохе являлось своеобразным отблеском отношения к своим, выражением экзистенциальной ценности человека вообще. Чужой — это альтернатива своему, и его качества определяются преимущественно в сравнении с качествами своего; оптимально — самого себя.

В доиндустриальную эпоху в условиях страшной антисанитарии жизнь человека практически не ценилась. Смерть была повсюду: 90% родившихся детей умирали еще в младенчестве, по континентам гуляли страшные эпидемии, женщины часто погибали при родах или становились вдовами в молодые годы и т. п. При таких массовых потерях своих никто и не думал о том, что чужой человек может иметь ценность.